ные записи событий, владычные, монастырские, церковные летописи. По приказу митрополита в его канцелярии могли без труда сосредоточиться копии со всех подобных летописей; выборка из них известий, размещение их в общем хронологическом порядке представлялось делом нетрудным. Но для выполнения всего такого предприятия необходимо было руководствоваться определенною целью, следовать определенной идее: идеей этой было воплощение в письменном памятнике сознания единства Русской земли и необходимости сохранить это единство. Митрополиты «всея Руси» в начале XIV в. больше чем когда-либо раньше стали понимать, что единство России нуждается в деятельной работе с их стороны, в энергичном противодействии тому сепаратизму отдельных русских областей, который был следствием удельной системы, а также великого потрясения, вызванного в XIII в. нашествием татар. Вынужденное переселение митрополита в 1299 г. во Владимир из Киева, униженного и разоренного, повело за собой ослабление связи между отдельными епархиями; в 1303 г. Галиция (Γάλιτζα), бывшая епископией России, возведена в митрополию императором кир Андроником Палеологом при патриархе кир Афанасии, как это читается в некоторых списках каталога епархий, составленного при имп. Андронике Палеологе Старшем (Е. Голубинский. История русской церкви. II, М., 1900, стр. 97). В состав этой новой митрополии вошло шесть епархий, оторвавшихся таким образом от Киевской митрополии с новым центром ее во Владимире. Но митр. Максим и его преемник Петр продолжали титуловаться «всея Руси», мечтая, конечно, о воссоединении распавшихся частей митрополии и стремясь к поддержанию единства в сохраненной за ними части. При митр. Петре произошло было закрытие галицкой митрополии, но зато в 1316—1317 г. открывается новая митрополия литовская, включавшая в свой состав, повидимому, и галичско-волынские епархии. Думаю, что митр. Петру принадлежит мысль о создании общерусского митрополичьего свода; он довел его до 1305 г., т. е. до года смерти своего предшественника, и работал над его созданием между 1305—1308 г., когда он вступил на митрополичий стол, и быть может, до 1316-го, когда вновь распалась единая русская митрополия.

Наше внимание в дальнейшем исследовании сосредоточится, однако, не на той части Лавр. летописи, которая восходит к общерусскому летописному своду, а на первой ее части, содержащей в начале своем «Повесть временных лет». Этот памятник отграничивается от остального текста Владимирского свода записью игумена Михайловского Киевского Выдубицкого монастыря, читающеюся вслед за летописной статьей 1110 г. и свидетельствующею о том, что в 6624 (1116) г. игуменом Сильвестром написан предшествующий записи летописец. Но сложность состава Лавр. летописи, основывавшейся не на одном Владимирском своде, а также еще на общерусском летописном своде начала XIV в., наводит на мысль, что Лаврентий мог внести в текст Владимирского свода, в частности в текст «Повести временных лет», ряд поправок и дополнений из общерусского летописного свода, как более полного и более совершенного свода. Едва ли возможно совершенно механическое разграничение между отмеченными выше тремя